

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Д.Ю. Миропольский

«ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПРИЧИНЫ ГОСПОДСТВА И НЕИЗБЕЖНОСТЬ САМОЛИКВИДАЦИИ

Какую бы методологию изучения экономической реальности мы ни взяли — позитивизм, рационализм, системный подход, синергетику и т.д., — все они базируются на одном фундаментальном принципе — формальной логике. Эти методологии объединены формально-логическим подходом. Единственная методология, отчетливо противоположная формально-логической, — диалектико-логическая. Следовательно, и в XXI в., несмотря на постмодернистский нигилизм, существуют два основных способа исследования экономики — формально-логический и диалектико-логический.¹

В статье В.Т. Рязанова «Проблема верификации в экономической теории» исследуется противоположность «априоризма» и «апостериоризма» в экономическом знании.² Хотелось бы обратить внимание, что противоположность формальная — диалектическая логика не совпадает с той, которую рассматривает В.Т. Рязанов. Теория априорного типа может быть как формально-логической, так и диалектико-логической. Скажем, рационализм, системный подход и синергетика используют априорный принцип, но остаются при этом формально-логическими направлениями мысли.

Теории апостериорного типа, на наш взгляд, всегда используют формальную логику.

Нет нужды излагать содержание формально-логического и диалектико-логического методов. Оно общеизвестно. В этой статье мы хотели бы выяснить, почему сегодня в экономической теории доминирует формально-логическое, а не диалектическое мышление. Пока существовала российская цивилизация — Советский Союз и зависимый от него социалистический блок, диалектика провозглашалась как методология политэкономию. Гибель российской цивилиза-

---

Дмитрий Юрьевич МИРОПОЛЬСКИЙ — докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории СПбГУЭФ. Окончил ЛФЭИ им. Н.А. Вознесенского в 1981 г. С 1985 г. работает на кафедре экономической теории (политэкономию). С 1999 г. — заведующий кафедрой. Автор около 100 научных работ. Научные интересы: философия экономики, типология хозяйственных систем, структурные условия централизации экономики.

ции привела к полному торжеству «здорового смысла» в теоретической экономике. В чем же причина данного явления?

Мы исходим из посылки, что сущность человека — творение. В лице человека универсум приходит к абсолютному сотворению себя самого. Возникнув, человек решает три основные задачи: а) сотворение собственного тела; б) сотворение продукта; в) сотворение духа. Эти три задачи решаются одновременно и последовательно. Человек сразу возникает как некое единство тела, продукта и духа. Однако первая эпоха характеризуется тем, что в ее рамках наиболее актуально сотворение собственного тела. Продукт и дух присутствуют в свернутом виде. Вторая эпоха наполнена сотворением продукта. Тело присутствует в ней в снятом виде, дух — в свернутом. И наконец, третья эпоха — эпоха сотворения духа. Здесь и тело, и продукт присутствуют в снятом виде. Рассматривая процесс развития человека с экономической точки зрения, мы условно называем эти эпохи — эпохой до разделения труда, эпохой разделения труда и эпохой после разделения труда.

Творя тело, продукт и дух, человек относится к ним теоретически и практически. Или, иначе, акт творения изначально представляет собой единство теоретического и практического отношения человека к собственному миру. Отсюда мышление, познание и метод познания — лишь обособившиеся формы теоретического отношения, которое, в свою очередь, подчинено творению.

Специфической и простейшей формой творения продукта является производство и потребление. Соответственно, производство и потребление продукта выступает как практическое производство и потребление и как теоретическое.

В науке давно существует проблема факта и его интерпретации. Однако что такое факт применительно к продукту? Это акт. Акт производства и потребления. Поэтому теоретическая интерпретация в экономике — это интерпретация актов производства и потребления. Мы можем утверждать, что интерпретация одного и того же экономического акта (факта) может быть различной — формально-логической и диалектической. Но мы можем пойти дальше и заявить: каков акт, такова и интерпретация. Иначе говоря, можно выдвинуть предположение, что различные практические акты производства и потребления требуют различной, адекватной себе интерпретации. Для одних экономических действий адекватно формально-логическое их осознание, для других — диалектико-логическое.

Такая нить рассуждений неизбежно заводит нас еще дальше. Если есть два необходимых способа осмысления экономической практики, значит, оба они ограничены.

Ограниченность обеих рассматриваемых методологий хорошо видна хотя бы из бесконечно ведущейся экономико-философской полемики. В новое и новейшее время Гегель критиковал Канта, считая, что его «философия положила конец рассудочной метафизике как некоторому объективному догматизму, но в действительности лишь переделала последнюю в некоторый субъективный догматизм, т. е. в сознание, в котором остаются существовать те же самые конечные рассудочные определения...».³ Маркс издевался над вульгарными буржуазными экономистами и справедливо полагал, что их теории — лишь доктринерское истолкование обыденных представлений буржуазии. Поппер, в свою очередь, яростно уничтожает Гегеля и Маркса: «В главном философия

тождества есть не что иное, как бесстыдная игра словами. Используя собственные слова Гегеля, можно сказать, что в ней нет ничего, кроме “фантазий, даже слабоумных фантазий”. Это — лабиринт, в котором заблудились тени и отзвуки прошлых философских систем... и в котором они справляют нечто вроде шабаша ведьм, в своем безумии пытающихся запутать и обмануть наивного наблюдателя». ⁴

Если оба метода познания экономической практики несовершенны (ограничены), то, естественно, возникает вопрос о методе совершенном. Условно обозначим данный метод как спекулятивный. Уже у Гегеля проводилось различие между диалектикой и спекуляцией. ⁵ П. Гайер справедливо полагает, что «человеческая деятельность... является основополагающей моделью для соединения диалектического и спекулятивного моментов...». ⁶ Однако, с нашей точки зрения, спекулятивный способ познания, будучи моментом спекулятивного (абсолютного) творения, должен вобрать в себя не только диалектическую, но и формальную логику как некое более сложное единство. Понятно, конечно, что в демократической России слово «спекуляция» вызывает вполне определенные мысли и чувства. Однако мы все же будем его употреблять в силу того, что оно принято в определенных философских кругах.

Если сотворение человеком своего собственного мира (тела, продукта и духа) есть единый процесс теории и практики, значит исторически и логически должно наблюдаться соответствие одного другому. Посмотрим, так ли это. Нас интересует экономическая сторона человека, т. е. продукт.

Творение продукта есть его производство и потребление. Первый человек производил и потреблял некий синкретический продукт, который содержал все разнообразие современных продуктов. Производя и потребляя синкретический продукт, палеоантропы относились к нему теоретически и практически. Логическая реконструкция экономического мышления древних людей затруднительна, но необходима, ибо без нее невозможно понять современное экономическое мышление. ⁷ Каким было мышление первых людей — формально-логическим, диалектическим или спекулятивным? Этот вопрос кажется смешным, учитывая, что там было не мышление, а его проблески. Однако самый первый проблеск мышления должен содержать все дальнейшие самые сложные формы мысли, ибо, если их нет в самом начале, откуда они возьмутся потом? То есть, первый проблеск мышления был столь же синкретичным, как и практически создаваемый первый продукт. А раз он был синкретичным, значит он был спекулятивным по своей природе, содержащим в себе формально-логическое и диалектическое начала. Правда, это была непосредственная, примитивная спекулятивность, которая образовывала единство со столь же непосредственной примитивной экономической практикой. Попробуем показать это единство непосредственной экономической практики и непосредственной экономической теории.

Первопродукт (впервые возникший продукт) представлял собой прямой переход производства в потребление и потребления в производство. Каждый первобытный человек был един как производитель и как потребитель своего же продукта. Этот простой взаимопереход производства и потребления нуждался в диалектико-логическом его осмыслении. Ведь человек (род) контролировал весь процесс производства продукта от начала и до конца, а осмысление мира как некоего единства и есть суть диалектики. Не случайно философию Гегеля

называли философией единства. Но единство производства и потребления достигалось в эпоху до разделения труда за счет их непосредственности, т. е. простоты. А раз производство и потребление простые, значит они зависят от природы. И это делает процессы производства и потребления непредсказуемыми. Они постоянно меняются, делаясь фрагментарными, распадаясь на бесконечные индивидуализированные ситуации. Каждая конкретная производственная или потребительская ситуация должна осмысляться отдельно, изолированно от других. Здесь, конечно же, адекватнее формально-логическое мышление, т.е. в теоретическом отношении примитива к своему продукту момент диалектический прямо и непосредственно переходит в момент формально-логический. Вместе они представляют первое спекулятивное мышление, являющее смесь магии, эмоционально-целостного восприятия мира и предельно конкретного знания природных условий своей территории.

Далее, первобытный продукт синкретичен не только в смысле слитности производства и потребления, но и, как отмечалось, в смысле видовой нерасчлененности. Рука, усиленная каменным рубилом, содержит бесконечное разнообразие будущих орудий труда. Горящий жир моржа в зародыше представляет все разнообразие систем освещения и отопления. Но все вариации на тему рубила есть одно — рубило; все вариации на тему добычи есть одно — добыча, употребляемая, прежде всего, в пищу. Это единство синкретического продукта тоже требует примитивного диалектико-логического осмысления. Например, «люди племени гуичолов отождествляют между собой оленей и перья птицы, пшеницу и оленей и т. п. ...Пшеница, утверждают гуичолы, некогда была оленем. В специальной церемонии они возлагают оленя на пшеницу, обращаясь с ним, как если бы он был снопом этого растения».⁸

Вместе с тем единый синкретический продукт распадается на бесконечное разнообразие животных и растительных организмов, каждый из которых выполняет функцию частицы первопродукта. Распадение единого продукта на множество продуктов предполагает конкретное знание того, как поймать носорога, а как дикобраза. Здесь снова формальная логика вступает в свои права, становясь оборотной стороной диалектико-логического момента мышления, и мы снова вынуждены признать, что мышление первого человека спекулятивно.

Эпоха разделения труда, которая приходит на смену эпохе до разделения труда, привносит в теоретическое и практическое отношение человека к продукту радикальные изменения. Прежде всего, эпоха разделения труда, как отмечалось выше, это эпоха господства продукта над телом и духом человека. Этот факт нашел свое отражение в экономическом детерминизме К. Маркса, а сейчас возрождается в виде экономического империализма А. Алчиана и Г. Беккера. Поэтому, если в эпоху до разделения труда мышление человека детерминировалось творением тела (родом) и лишь косвенно творением продукта, то сегодня способ мышления прямо определяется производством и потреблением продукта.

Прежде всего, хотелось бы подчеркнуть, что термин «разделение труда» мы употребляем лишь в силу его общепринятости. На наш взгляд, правильнее было бы использовать категорию «разделение продукта». Был простой синкретический первопродукт, а стал продукт сложный, но разделенный. Так как продукт и человек экономический — одно и то же, то можно сказать: был человек

простой, но цельный, а теперь стал сложный, но «осколочный», потерявший универсальность.

Обычное толкование разделения труда состоит в том, что на место универсального производителя и потребителя заступает специализированный токарь и специализированный пекарь. Такая интерпретация разделения труда представляется неполной. Мы исходим из того, что человек вообще и человек экономический в частности — это не некое единичное, отдельное существо, а единство единичного, особенного и всеобщего человека. Если теперь принять во внимание тождество человека экономического и продукта, то продукт имеет те же определения единичного, особенного и всеобщего. Процесс разделения труда означает, что момент особенного в продукте начинает доминировать — единый продукт распадается на ряд особенных. Однако особенный продукт эпохи разделения труда выступает как особенный единичный и особенный всеобщий.

Если мы говорим, что появился частный собственник токаря и частный собственник пекаря, то фиксируем лишь одну из сторон разделения труда — появление особенного продукта как единичного. Такой особенный единичный продукт принимает форму капитала, возникает капитализм или, как сейчас любят выражаться, рынок.

Но как неизбежно возникновение особенного единичного продукта, так неизбежно в процессе разделения труда появление особенного всеобщего продукта. В этом случае нет индивидуальных частных собственников. Зато есть коллективный частный собственник в виде пирамидально построенной государственной бюрократии. Вершина этой пирамиды — вождь, персонифицирующий ее. Особенный всеобщий продукт, порожденный разделением труда, принимает форму плана, форму, противоположную капиталу.

Разумеется, сообщество индивидуальных частных собственников несет в себе момент всеобщего, который находит выражение в капиталистическом государстве. Однако оно не доминирует, а подчинено индивидуальной частной собственности. Точно так же коллективный частный собственник, бюрократия имеет единичных производителей и потребителей — токарей и пекарей. Но не они главенствуют при данной организации хозяйства.

Мы не будем в рамках данной статьи рассматривать конкретные причины различного развития разделения труда и появления особенного единичного и особенного всеобщего продуктов как обособленных.⁹ Наша задача — показать методы теоретического осмысления данных противоположных экономических практик.

Рассмотрим сначала тип разделения труда, где доминирует особенный единичный продукт — капитализм. Анализируя простое спекулятивное мышление диких людей, мы пришли к выводу, что оно содержит два момента: а) диалектико-логический, связанный с единством производства и потребления и б) формально-логический, являющийся проявлением их разорванности. Теперь вопрос: если разделение труда развивается так, что доминирует особенный единичный продукт, то какой из пунктов начинает преобладать — слитность производства и потребления или их оторванность друг от друга? Ответ достаточно ясен. Разделение труда, идущее как развитие особенного единичного продукта, ведет к отрыву производства от потребления. А мы ранее установили, что прак-

тика отрыва производства от потребления предполагает соответствующее формально-логическое мышление.

Но первобытная разорванность производства и потребления не тождественна той же разорванности в условиях капитализма. Во-первых, уже обсуждался тот факт, что первоначальный отрыв производства от потребления был связан с зависимостью примитивного продукта от природы. В условиях разделенного труда человек подчиняет себе природу и даже уничтожает. Отрыв производителя от потребителя здесь происходит в силу специализации и концентрации, которые нужны как раз для того, чтобы повысить продуктивность и подавить природу.

Во-вторых, — и это самое важное — развитие формально-логического момента в экономическом мышлении не компенсируется таким же усилением диалектико-логического начала. У первобытного человека формально-логическое начало непосредственно переходит в диалектико-логическое. Такое теоретическое отношение к продукту соответствует практическому, когда отрыв производства от потребления столь же непосредственно переходит в их единство. У рыночного человека усиление разведенности производителя и потребителя не сопровождается таким же усилением их связанности. Рыночные транзакции не делают производителя и потребителя единым целым. Государство играет лишь подчиненную, зависимую роль. В этом и проявляется основная односторонность и неполноценность человека эпохи разделения труда.

Односторонняя практика сопровождается и направляется столь же односторонней теорией. Мышление рыночного человека, будучи неизмеримо более развитым, чем у первобытного, становится только формально-логическим. Оно утрачивает спекулятивность, целостность первобытности. Рационально действующий индивид является интеллектуально ущербным существом.

Теоретическое отношение рыночного человека к своему продукту имеет в качестве акциденции экономическую теорию и методологию этой экономической теории. Нетрудно понять, что они не только вырастают из формально-логического принципа мысли, но и развивают и освящают его. Любой экономикс представляет собой непоследовательное целое, состоящее из отдельных формул, графиков и моделей. Эти разрозненные формально-логические построения не имеют никаких шансов быть связанными между собой в единое, более-менее последовательное целое.

К примеру, К. Поппер и методологическую базу под такую теорию подвел: «Единственный путь, открытый перед социальными науками, состоит в том, чтобы забыть словесные перепалки и энергично взяться за практические проблемы нашего времени с помощью теоретических методов, которые в основе своей одни и те же для всех наук. Я имею в виду метод проб и ошибок, а также метод выдвижения гипотез, которые могут быть проверены на практике...».¹⁰ При этом экономика, с точки зрения Поппера, наиболее продвинутая гуманитарная наука потому, что «влияние Гегеля и, в особенности, его жаргона все еще очень сильно в моральной и социальной философии и в социальных и политических науках (с единственным исключением — экономикой)».¹¹ Впрочем, такая особая роль экономической теории и не удивительна. Эпоха разделения труда — эпоха господства продукта над телом и духом человека. Следовательно, если именно практическое производство и потребление продукта требуют

формального мышления, то формальным мышлением оказывается захвачена прежде всего экономическая теория, а потом уже и все остальные науки о человеке.

Исследуем теперь противоположный тип разделения труда, т. е. тот, где преобладает особенный всеобщий продукт. Это плановая экономика, начиная с Древнего Египта и заканчивая современной Северной Кореей. В первобытном продукте момент всеобщности фиксировался в слитности процессов производства и потребления, а в спекулятивном мышлении общинников рождал диалектико-логическое начало. Соответственно, плановый способ производства и потребления, развивающий производство и потребление как единый процесс, предполагает всяческое развитие диалектико-логического мышления.

При этом единство производства и потребления в плановой экономике иное, нежели в синкретическом продукте. В первобытной экономике это единство достигалось само собой вследствие простоты продукта. В плановом хозяйстве слитность производства и потребления выступает реакцией на усложнение продукта и угрожающий вследствие этого отрыв производства от потребления. Именно когда отношения индивидуальных частных производителей и индивидуальных частных потребителей становятся деструктивными, утрачивая единство, появляется бюрократия во главе с вождем и необходимое единство восстанавливается.

Но восстановленное единство производства и потребления здесь уже не непосредственное, как в эпоху до разделения труда, а опосредованное отказом от разорванности производства и потребления. Экономическая практика бюрократии становится односторонней. Она оперирует агрегированными массами произведенных и потребленных продуктов, не имея возможности отрегулировать каждый конкретный переход производства в потребление. Отсюда капитал дает сорок сортов мыла на одного покупателя при нерешенности общих проблем, а план успешно решит глобальные вопросы экономики, но единственный сорт мыла будет в дефиците.

Такого рода практика глобального соединения производства и потребления требует теоретического осмысления экономики как единого организма. А для этого лучше подходит не формальная логика, а диалектическая. Но поскольку соединение производства и потребления происходит как односторонний процесс, упускается или упрощается различие производства и потребления, то и диалектика представляет собой одностороннюю форму мышления. В крайнем варианте экономическая теория, построенная на диалектике, превращается в жесткую логическую конструкцию, не работающую ни на «вход», ни на «выход». Она внутренне последовательна, но с практикой не связана.

Если связь между здравомыслящим предпринимателем и столь же здравомыслящим профессором-маржиналистом очевидна, то связь между мышлением планового человека и профессора-марксиста не столь ясна. Особенно, если этот профессор действительно диалектик.

Но если провести специальное исследование, то мы более чем уверены, что на самом обыденном уровне обнаружится принципиальная разница в мышлении рыночного и планового человека. Эта разница отчетливо видна не только в XX в., в апофеозе борьбы плана и рынка, но и, например, в Средние века. Ж. Ле Гофф пишет: «Люди Запада, для которых главной политической добродетелью

была верность — искренняя, честная верность феодала, — считали лицемерием византийские методы, целиком пропитанные соображениями государственной пользы. Ибо у них, — писал еще Одон Дейльский, французский хронист II крестового похода, — общепринято мнение, что никого нельзя упрекать в клятвopеступлении, если он это позволил себе ради интересов святой империи». ¹² Западному человеку трудно понять логику советского человека, который сегодня горячо и много говорит со своим собутыльником о дружбе, завтра пишет на него донос, а послезавтра бросается под танк с гранатой. Эта обыденная диалектическая логика, непонятная с точки зрения западного здравомыслия. Между обыденной диалектикой и рафинированными диалектико-логическими построениями есть большая разница. Но и между рассудком коммерсанта и экономико-математическими моделями его же поведения имеется существенное различие.

Приведенные выше рассуждения позволяют понять, почему в мировой экономической теории все больше доминирует формальная логика, вытесняя диалектику на обочину. Российская цивилизация была цивилизацией, созданной бюрократией. Именно поэтому Советский Союз, а вслед за ним и весь социалистический блок, генерировали в XX в. диалектическую методологию в экономической теории. Диалектика обслуживала практику индустриальной бюрократии теоретически и идеологически. Гибель российской цивилизации резко усилила позиции мировой буржуазии, а, соответственно, и необходимую ей теорию и идеологию здравого смысла.

Означает ли распространение формально-логического метода в экономической теории какой-либо ее прогресс? Нет, конечно. Существовало два односторонних метода — формально-логический и диалектико-логический. Один из них потеснил другой. В чем здесь прогресс? Мало того, можно даже предположить, что раньше оба односторонних метода, конкурируя, избавляли друг друга от крайности. А теперь начнется (или уже началась) безудержная вакханалия здравого смысла.

В чем же действительный прогресс метода экономической теории? Гегель неоднократно подчеркивал, что движение вперед и есть возвращение назад. Поэтому прогресс метода есть его возвращение к спекулятивному способу осмысления экономической практики. Разумеется, это не непосредственная спекулятивность мышления первых людей, а развитая спекулятивность мышления будущих людей. То есть должен возникнуть новый спекулятивный метод, который преодолел бы односторонность как развитой формальной логики, так и развитой диалектики.

Но можно ли развить такой совершенный метод познания экономики в обозримом будущем? Нет, нельзя. Творение человеком самого себя, как неоднократно подчеркивалось, удваивается как практическое и теоретическое его отношение к собственному миру. Отсюда следует, что нельзя иметь совершенное теоретическое отношение к миру и не иметь такого же практического. Нельзя получить абсолютное знание вне абсолютного творения. Если ты имеешь исчерпывающее знание о Вселенной, сотвори ее, т. е. преврати в продукт. Если не можешь сотворить, значит, твое знание о Вселенной ограничено.

Поэтому создание спекулятивного метода в экономической теории, видимо, начнется за пределами эпохи разделения труда, в которой мы пребываем. Эпоха после разделения труда будет означать, с одной стороны, создание универ-

сального продукта, в котором исчезнет противоположность особенного единичного и особенного всеобщего продукта. С другой стороны, универсализация продукта будет означать его снятие и наступление господства действительного духа, т. е. продукт как снятый будет служить духовным запросам человека и одновременно их выражать. Вселенная станет не просто продуктом; она станет человеческим духом, который есть абсолютное творчество. Именно тогда спекулятивный метод получит свое полное развитие.

Мы не можем сегодня создать спекулятивный метод исследования продукта. Но мы можем двигаться в этом направлении. Возникающая постиндустриальная экономика дает некоторые основания полагать, что век индустриализма был высшей точкой разделения труда и что сейчас начинается переход к эпохе после разделения труда. Соответственно, острая противоположность продукта как капитала и продукта как плана, характерная для XX в., начинает преодолеваться. Зарождается переход к новому продукту, в котором капитал и план выступают подчиненными моментами. Медленный переход к этому новому универсальному продукту есть одновременно столь же медленный переход к спекулятивному методу.

Иначе говоря, возможно, что наступает исторически длительный период, когда формально-логический и диалектический методы по-прежнему существуют отдельно. Но различия между ними будут постепенно стираться, формируя зародышевые крупницы спекулятивной логики. Может быть, именно с началом этого перехода и связаны кризисные явления в экономической науке и «методологический бум», о которых пишет В.Т. Рязанов?¹³

Если спекулятивный метод синтезирует формальную логику и диалектику, то его нельзя получить отдельно из формальной логики, которая сегодня господствует. Так или иначе, придется обращаться к культуре диалектико-логического мышления, выработанной бюрократией. Россия была страной, где знание диалектики среди экономистов-теоретиков находилось на гораздо более высоком уровне, чем на Западе. Поэтому именно Россия могла бы стать страной, активно участвующей в создании первых зачатков спекулятивного метода в экономической теории. Однако российские экономисты в основной массе предпочли упустить свои конкурентные преимущества, объявить диалектико-логический подход догматическим, устаревшим и, вообще, ненаучным, и радостно бросились учить экономикс. Такое поведение вполне укладывается в логику гибели цивилизации. Было бы странно, если бы цивилизация погибла, а метод экономической науки, существовавший в рамках этой цивилизации, почему-то остался. Теперь диалектику в экономике миру предложит кто-то другой.

Во-первых, как бы ни была культура Запада пронизана здравым смыслом, диалектико-логическая струя в ней тоже есть. Ученые, использующие формальную логику, смутно ощущают односторонность и недостаточность этого способа познания мира. Поэтому постоянно предпринимаются попытки преодолеть формальную логику, оставаясь в рамках формальной логики, либо вообще выйти за ее пределы.

Стремление к преодолению недостатков формально-логического метода внутри самого метода неизбежно будет приводить к таким явлениям, как системный подход, синергетика и т.п.

Выход же за пределы формальной логики наблюдается на Западе преимущественно среди интеллигенции, оппозиционно настроенной по отношению к капитализму. Обращение к диалектической (или хотя бы диалектикообразной) логике можно наблюдать у экзистенциалистов,¹⁴ теоретиков франкфуртской школы,¹⁵ представителей спекулятивного диалектического рационализма.¹⁶ Да и постмодернисты, пытаясь ниспровергнуть диалектику, тем не менее, признают, что существующий вокруг них мир диалектичен. Анализируя отношения эксплуататора и эксплуатируемого, Ж. Бодрийяр пишет: «Сам способ ответа медленной смертью в труде оставляет господину возможность вновь и вновь возвращать рабу жизнь в труде, через труд. Счет никогда не бывает оплачен до конца, он все время сводится в пользу власти, той диалектики власти, которая обыгрывает разнесенность двух полюсов смерти и обмена. Раб остается пленником господской диалектики...».¹⁷ Таким образом, Запад может развить (точнее, возродить) необходимую культуру диалектического мышления для формирования спекулятивного метода.

Во-вторых, не исключено, что бурно развивающаяся Юго-Восточная Азия, будучи традиционно ориентированной на диалектико-логическое мышление, внесет в дальнейшем свой вклад в развитие спекулятивной методологии мировой экономической науки.

---

¹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 7–33.

² Рязанов В.Т. Проблема верификации в экономической теории // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. 2004. Вып. 4. С. 5–6.

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Кн. 3. СПб., 1994. С. 93.

⁴ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 51.

⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 110–111.

⁶ Гайер П. Диалектика как методология: ответ профессору Альбрехту // Философия Гегеля: проблемы диалектики. М., 1987. С. 33.

⁷ Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок. М., 1993; Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983; Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории: проблемы палеопсихологии. М., 1974; Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1981.

⁸ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. С. 315.

⁹ Сафронов И.А., Миропольский Д.Ю. Философия. Человек. Экономика. СПб., 2001. С. 268–279.

¹⁰ Поппер К. Открытое общество и его враги. С. 256–257.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 134.

¹³ Рязанов В.Т. Указ. соч. С. 4.

¹⁴ Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000.

¹⁵ Маркузе Г. Разум и революция. Гегель и становление социальной теории. СПб., 2000; Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб., 1997; Adorno T.W. Gesellschaftstheorie und Kulturkritik. Frankfurt am Main, 1975.

¹⁶ Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Поэзия. СПб., 1999.

¹⁷ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М., 2000. С. 105.